

К 83
У-49

А.П. Черников

**ПИСАТЕЛИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА
И КАЛУЖСКИЙ КРАЙ**

К 83

Министерство образования и науки Российской Федерации
Калужский государственный педагогический университет им. К.Э.Циолковского 4-49

А.П. Черников

Писатели Серебряного века и Калужский край

Учебное пособие

100 57 70

Калужская
обл.библиотека
им.В.Г.Белинского

Местное
издание

Калуга, 2007

Рецензенты:

Доктор филологических наук, профессор *Холодова З.Я.*
(Ивановский госуниверситет)

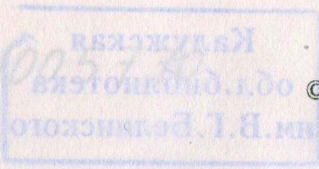
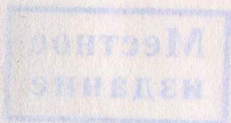
Доктор филологических наук, профессор *Дякина А.А.*
(Елецкий госуниверситет).

Черников А.П.

Ч 49 Писатели Серебряного века и Калужский край: Учебное пособие. – Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2005. – 280 с.

В книге на большом фактическом материале, значительная часть которого впервые предлагается вниманию читателей, рассматриваются связи с Калужским краем выдающихся писателей Серебряного века А.Амфитеатрова, С.Городецкого, Б.Зайцева, И.Новикова, И.Соколова-Микитова, М.Цветаевой, И.Шмелева. Анализируются их важнейшие произведения, своеобразие творчества, место в литературном процессе.

Книга адресована преподавателям высшей и средней школы, студентам-филологам, краеведам, всем, интересующимся литературной жизнью Калужского края и творчеством писателей Серебряного века.

© Черников А.П., 2007

Калуга, 2007

Глава VI. «ГЛАЗА, ГЛЯДЯЩИЕ НА РУСЬ»

М.И. ЦВЕТАЕВА

Свое особое место в русской литературе начала XX века занимает Марина Ивановна Цветаева (1892 — 1941), не примыкавшая официально ни к одному из поэтических течений. Социальная, философская, эстетическая позиция Цветаевой решительно отделяла ее и от символистов, и от акмеистов, и от футуристов. Светлый взгляд на мир, неумное жизненное горение, романтическое бунтарство, основанные на максимализме идеалов — таковы были ее творческие принципы, которым Цве-

таева осталась верна на протяжении своего пути, несмотря на обрушивавшиеся на нее невзгоды.

М. Цветаева родилась 26 сентября (8 октября) 1892 года, в полночь, с субботы на воскресенье, на Иоанна Богослова, почти в самом центре Москвы, в тихом Трехпрудном переулке. Позднее она напишет:

*Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья.
Я родилась.
Спорили сотни
Колоколов.*

День был субботний:

Иоанн Богослов.

Мне и доньне

Хочется грызть

Жаркой рябины

Горькую кисть.

(«Красною кистью...»)

Рябина навсегда вошла в ряд важнейших образов ее поэзии. Пылающая и горькая, она стала символом судьбы, тоже горькой и пылающей.

Свой дом в Москве Цветаева с детских лет любила, словно родное существо. Своим читателям она «дарила» Москву как редчайший и драгоценный подарок:

Из рук моих — нерукотворный град

Прими, мой странный, мой прекрасный брат.

Другим ее любимым местом была Таруса и ее окрестности. Позднее дочь поэтессы А.С. Эфрон назвала Тарусу «колыбелью маминого творчества». Это действительно так. Цветаевым принадлежала дача «Песочное», возле Тарусы, где семья проводила летние месяцы. С этими местами, с их природой связаны детские и отроческие годы поэтессы, которые она пронесла через всю многотрудную жизнь, как самые дорогие воспоминания.

В своих позднейших дневниковых записях, очерках, автобиографических рассказах «Мать и музыка», «Черт», в повести «Дом у старого Пимена» и других она уделит много внимания впечатлениям этих лет. В созданном за рубежом очерке «Хлыстовки» (1934), проникнутом острым ностальгическим чувством, М. Цветаева пишет, рассказывая о своем знакомстве с семьей тарусских соседей, раскольников-хлыстовок: «Я бы хотела лежать на тарусском хлыстовском кладбище, под кустом бузины, в одной из тех могил с серебряным голубем, где растет самая красная и крупная в тех местах земляника. Но если это несбыточно, если мне не только там не лежать, но и кладбища того уже нет, я бы хотела, чтобы на одном из тех

холмов поставили с тарусской каменоломни камень «Здесь хотела бы лежать Марина Цветаева». В октябре 1988 г. такой камень поставлен и стал местом встреч истинных поклонников ее таланта. А ныне в Тарусе установлен и памятник выдающейся поэтессе.

Писать стихи Цветаева начала еще с детских лет. Ее раннему поэтическому самоопределению способствовала атмосфера семьи, где царил дух искусства. Отец поэтессы — Иван Владимирович Цветаев, профессор Московского университета, был директором Румянцевского музея и основателем знаменитого музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Мать — Мария Александровна Мейн — талантливой пианисткой.

В 1910 году, когда Цветаевой было 18 лет, выходит ее первый стихотворный сборник «Вечерний альбом», состоявший всего из одиннадцати стихотворений. Литературный дебют юной поэтессы оказался удачным. Тогдашние мэтры русской поэзии В. Брюсов и М. Волошин откликнулись на выход сборника сочувственными словами. Тепло встретили книгу и читатели.

В самом начале 1912 года в жизни Цветаевой произошли два важных события: она обвенчалась с Сергеем Эфроном, и у нее вышел второй сборник «Волшебный фонарь». Ровно через год выходит третий сборник стихов Цветаевой — «Из двух книг». Во вступлении к нему автор писала: «Все это мило. Мои стихи — дневник, моя поэзия — поэзия собственных имен». Как бы впоследствии ни изменялись творчество и личность Цветаевой, одно осталось постоянным: стихи всегда были дневником ее души.

Во всех этих сборниках ярко проявились основные темы цветаевского творчества: тема любви, тема Родины и тема поэта и поэзии. Они очень часто переплетаются, образуя то сложное единство, которое В. Брюсов обозначил в Цветаевой как «поэзию интимной жизни». Ряд этих стихотворений навеян тарусскими впечатлениями. Таково, например, одно из первых стихотворений поэтессы «Мама на даче». При всей

еще очевидной незрелости оно покоряет острым ощущением родной природы и дочерними чувствами:

Мама на даче: за лугом Ока серебрится,

Серебрится, как новый клинок.

Наша мама сегодня царица,

На головке у мамы венки...

Скоро вечер: за лесом луна загорится,

На плитах заблестят огоньки.

Наша мама сегодня царица,

На головке у мамы венки.

Неброская красота родной природы, страстная влюбленность в нее поэтессы звучат в стихотворениях «Осень в Тарусе», «Паром», в циклах «Стихи к Блоку» и «Стихи о Москве»:

И льется аллилуйя

На смуглые поля.

Я в грудь тебя целую,

Российская земля.

Стихи Цветаевой предреволюционных лет проникнуты страстным ожиданием счастья, любви, яркой, наполненной высоким смыслом жизни. Лирика ее предельно насыщена эмоциями, необычайно экспрессивна в изображении чувств, мыслей и переживаний. Поэтесса очень любила жизнь и предъявляла ей максималистские требования, хотела всего яркого, страстного в жизни. Это отразилось и в тематике, и в поэтике ее стихов. Цветаева — мастер изображения деталей быта, обстановки, пейзажа, афористичности, экспрессии в выражении чувств. Она прекрасно сочетала в своем творчестве две черты, два пафоса: бытовой прозаизм и патетику. Все это нередко выражено в одном стихотворении, образуя сложную эмоциональную гамму: изображение эмоций, экспрессии чувств через описание предметов, деталей быта. Эта особенность проявляется в ее произведениях и при описании природы, и при обрисовке внутреннего мира лирической героини.

Главная героиня цветаевской поэзии — духовно богатая женщина, наделенная сильным характером и прежде всего внутренней красотой. Поэзия Цветаевой раскрывает обаяние

глубокой и сильной природы — той, что не терпит шаблонов, не признает навязанных кем-то правил, самостоятельна во всем и всегда. Ее поступки часто непредсказуемы, неожиданны. Она может быть нежной и упрямой, ласковой и надменной, ранимой и дерзкой.

Лирическая героиня Цветаевой — человек разного возраста. Она как бы растет, формируется на страницах сборников ее стихов, обретая все новые качества личности, постигая окружающий мир и людей, духовно обогащаясь от этих связей с миром, из ребенка превращаясь во взрослого человека. Пора детства для поэтессы — источник самых первых, дорогих впечатлений:

Над миром вечерних видений

Мы, дети, сегодня цари.

В стихотворении «В зале» (1910) поэтесса очень точно передает особенности детского: восприятия. Ребенок постигает мир, который огромен и таинствен. Сумерки, бледный свет фонарей будят воображение, создают атмосферу загадочности, нереальности, где переплетаются и явь, и то, что почудилось, показалось. Ребенка манит загадочное, неведомое — все то, что для взрослых кажется обыденным, недостойным внимания, и это, по мнению лирической героини, обедняет их души. Стихотворение заканчивается своеобразной декларацией юной героини:

Мы старших за то презираем,

Что скучны и просты их дни.

Мы знаем, мы многое знаем

Того, что не знают они.

Маленькая героиня Цветаевой порывиста, стремительна, отчаянна. В ней рано вызревает чувство свободы, внутренней самостоятельности, душевной раскованности.

Когда малюткою была

— Шальной девчонкой полуголой, —

Не липла — Господу хвала! —

Я к материнскому подолу.

*Нет, — через пни и частоколы —
Сады ломать! — Коней ковать! —
А по ночам в чужие села
— «Пусть перепоечать!».
(«Баллада о проходимке»)*

Образ отчаянной девчонки-бесовки в некоторых стихах вырастает до символа:

*Бубен в руке! Дьявол в крови! Красная юбка!
В черных сердцах! Красною юбкой — в небо
пылю! — «Красная юбка?» — Как бы не так!
— Огненный парус! — Красный маяк!*

Любимый цветаевский образ — устремленный ввысь красный огонь как символ горения души, неистовых порывов и страстей.

Взросление человека стремительно. Героиня стихотворения «Бежит тропинка с бугорка» (1919) возвращается в места своего детства. Но они предстают перед нею совсем иначе. Детство ушло, но память о нем не должна исчезнуть. Сохранить ее — значит сберечь незамутненность взгляда на мир, свежесть восприятия, перводанную чистоту чувств. Пристальный, зоркий взгляд ребенка, его порывистость, жажду первооткрывателя мира лирическая героиня Цветаевой сохранит в себе навсегда.

«Юность мятежная» для героини цветаевских стихов — время еще более жадного интереса к окружающему миру, яростного желанья «все понять и за всех пережить!». Она чувствует в своей душе «силы необъятные», ее сердце открыто самым разнообразным впечатлениям. Жить для нее — это значит действовать, рисковать, «мчаться», «гореть» и зажигать других:

Всего хочу: с душой цыгана Идти под песни на разбой, За всех страдать под звук органа И амазонкой мчаться в бой.

«Душа цыгана» для поэтессы — символ вольности, мя-

тежности, страстности. Такою предстает юная героиня. Страстная и мятежная, она в то же время наделена чутким сердцем, готовым «за всех страдать» и «амазонкой мчаться в бой» за все, что ей мило и дорого.

Героиня Цветаевой — не твердокаменна. Она может безмерно радоваться и столь же безмерно страдать. Она может быть легкоранимой, но слабой, сдавшейся — никогда. Никакие жизненные испытания не заставят ее согнуться. В стихотворении «Пахнуло Англией и морем» (1920) автор рисует свою героиню в момент смертельной опасности: на море шторм. Бушует стихия, грозящая уничтожить и корабль, и всех, кто на нем находится. Но этой бешеной стихии противостоит не просто выдержка, а вызов героини:

*...Так связываясь с новым горем,
Смеюсь, как юнга на канате
Смеется в час великой бури...*

Отвага духа не покидает ее в самые драматические минуты:

*И вот, весь холод тьмы беззвездной
Вдохнув — на самой мачте — с краю —
над разверзающейся бездной
— Смеясь! — ресницы опускаю...*

Женщина в стихотворениях Цветаевой безмерна в своей страсти и поступках. Но эта безмерность — воплощение полноты жизни, жажды счастья. Отсюда ее неуспокоенность, всегдашняя «растревоженность» духа, «демонизм» ее природы. Впрочем, поэтесса умела быть и по-своему элегичной, «плавной» и в изображении чувств своей героини, и в ритме стиха. Таково ее известное стихотворение-романс, посвященное мужу сестры «Мне нравится, что вы больны не мной...» (1915).

Героиня цветаевской поэзии выступает в разных сюжетных и социальных ипостасях. Она и московская стрельчиха, и неукротимая боярыня Морозова, и таборная цыганка, и ти-

шайшая бездомная черница, и ворожея-книжница, и бедовая «кабацкая парица». Чаще же всего — она современная автору женщина — простая, энергичная, живущая интенсивной духовной жизнью, с «гордым видом» и «бродячим нравом», носительница сложной судьбы и страстной любви. В каком бы обличье ни выступала главная героиня произведений Цветаевой — это прежде всего русская удалая, дерзкая; умная и гордая молодая женщина, не знающая удержу ни в радости, ни в грусти, ни в ненависти, ни в любви. В поэзии Цветаевой нет и следа покоя, умиротворенности, созерцательности. Достаточно открыть почти любое ее стихотворение, и мы сразу погружаемся в атмосферу душевного горения, безмерности чувств, острейших драматических конфликтов. Лирическая героиня этих произведений — всегда в вихревом движении, в действии, в поступке. Всякое чувство — будь то любовь к Родине, ее природе, или любовь к мужчине — Цветаева понимала только как активное действие — физическое и душевное.

Любовь у Цветаевой всегда «поединок роковой», всегда спор, конфликт и часто — разрыв. Ее любовная лирика, как и вся ее поэзия, эмоциональна, широкомасштабна, гиперболична, неистова:

Где бы ты ни был — тебя настигну,

Выстрадаю — и верну назад.

Перестрадай же меня! Я всюду!

Зори и руды я, хлеб и вздох,

Есмь я и буду я, и добуду

Губы — как душу добудет Бог.

Пишет ли Цветаева о встречах ее героини с любимым — это романтическая страсть встреч, изображает скорбь покинутой женщины — это вселенская скорбь («Вчера еще в глаза глядел»), рассказывает ли о разлуке с любимым — это «цыганская страсть разлуки»:

*Цыганская страсть разлуки!
Чуть встретишь — уж рвешься прочь.
Я лоб уронила в руки
И думаю, глядя в ночь:*

*Никто в наших письмах роясь,
Не понял до глубины,
Как мы вероломны, то есть —
Как сами себе верны.*

Здесь само понятие «вероломства» — суть природы человека, его внутреннего непостоянства, какой-то неуспокоенности, желание не останавливаться на месте ни в поступках, ни в чувствах. Это состояние лирической героини великолепно передано стихом, в котором слышатся бурный порыв, патетические напряженные интонации, резкие срывы ритма.

Такой образ женщины и такие стихи резко противоречили всем традициям женской любовной лирики, в частности, поэзии Цветаевской современницы Анны Ахматовой. Где у Ахматовой камерность, строгая гармония, как правило, тихая речь, почти молитвенный шепот, там у Цветаевой — обращенность ко всему миру, патетические восклицания, крик, вопль. Но необходимо отметить, что, резко отличаясь от Ахматовой темпераментом и экспрессивным стилем, Цветаева сближается с ней в речевых истоках, уходящих своими корнями в глубь русской народной поэтической лирики.

Столь же богатой и многомерной, как душа русской женщины, предстает в произведениях Цветаевой и душа Родины. Как поэт «русского национального начала», по удачному выражению В. С. Рождественского, Цветаева глубоко отразила в своих стихотворениях вольную, отчаянную душу России. Стихотворения Цветаевой о России — это патетические песни о родных просторах, о буйных ветрах над полями, о звоне бубенцов на ямщицких тройках. Россия для нее — всегда в ветровой, природной стихии. Ею охвачена и современная Русь, и Русь прошлая, периода Лжедмитрия, Марии Мнишек.

Поэтесса живописует Россию Степана Разина, с восторгом пишет о его вольнице, о бродягах и кабацких ярыжках (цикл «Стенька Разин», 1917). Цветаевой очень дороги и близки ее герои — русские люди — дерзкие, смелые, исполненные духа бунтарства, свободолюбия, которые сродни буйному, непокорному ветру:

Другие — с очами и с личиком светлым,

А я — то ночами беседую с ветром.

Не с тем — италийским

Зефиром младым, —

С хорошим, с широким,

Российским, сквозным!

Россия для поэтессы — выражение духа бунтарства, буйного простора и безбрежной широты. Она и гордая, и нищая, и кабацкая, каторжная, и свободная, подобная цыганскому житью, и неприкаянная. Все эти образы в произведениях Цветаевой переплетаются и взаимодействуют, образуя сложное единство:

Следок твой не пытан,

Вихор твой — колтун.

Скрипит под копытом

Разрыв да плакун.

Нетоптанный путь,

Непутевый огонь —

Ох, Родина — Русь,

Неподкованный конь!

В зрелом творчестве Цветаевой господствует буйное песенное начало, воплощающее острое чувство Родины — ее природы, истории, национального характера. Бе патриотическая лирика так же, как и лирика любовная, отмечена открытой эмоциональностью и бурным темпераментом в выраже-

нии чувства любви к родной земле.

Цветаева признавалась, что для полного выражения обуреваемых ее чувств, ей не хватало даже этой громкой речи, этих эмоциональных слов: «Безмерность моих слов, — писала она, — только слабая тень безмерности моих чувств», из которых неостановимо хлещут «и жизнь, и стих» (1).

Но предельная эмоциональная самоотдача всегда сочеталась у поэтессы с упорным трудом над художественным словом, работой, по ее словам, «до седьмого пота». «Творческая воля есть терпение», — заметила она однажды, и многие ее черновики свидетельствуют об этой кропотливой работе над поэтическим словом. О необходимости этой работы Цветаева говорит во многих произведениях, в частности, в циклах, посвященных А. С. Пушкину (стихотворение «Станок») и А. Блоку, «вседержителю» ее души, по признанию поэтессы.

Цветаева терпеливо и упорно работала над стихом. От сборника к сборнику крепла упругость ее строки, расширялся диапазон использования изобразительно-выразительных средств, обогащалась строфика и ритмика.

Цветаеву-поэта не спутаешь ни с кем. Стихи ее узнаваемы безошибочно — по особому распеву, неповторимым ритмам, своеобразной интонации. Слово Цветаевой — это прежде всего слово звучащее. Огромная роль в ее поэзии принадлежит звуковой организации стиха, его инструментровке, щедрой и точной, в которой особое значение имеют ассонансы. В звукописи Цветаева видела основу поэтического творчества. «Словотворчество есть хождение по следу слуха народного и природного, хождение по слуху» (2), — писала она в статье 1933 г. «Искусство при свете совести». Над звуковой организацией стиха она работала особенно тщательно и упорно. И в подавляющем большинстве ее произведения инструментованы богато и тонко:

Бузина цельный сад залила!

Бузина зелена, зелена!

Зеленее, чем плесень на чане.

Зелена — значит, лето в начале!

Синева — до скончания дней!

Бузина моих глаз зеленей!

Мастерски использовала поэтесса цветопись. Излюбленные ее цвета черный, белый и красный, символизирующие в ее стихотворениях то контрастность и переменчивость настроений и психологических переживаний лирической героини, то сложную гамму восприятий окружающего мира, которую Цветаева умеет метафорически обобщить, выразительно и эффектно «преподнести» читателю с помощью оригинальных сравнений («рот, как мед»), неожиданных эпитетов («ржавая тишь») и оксюморонов («сладчайшее зло»).

Главным средством организации стихотворной речи является у Цветаевой ритм. Основная сила ее стихов — не в зрительных образах, а в завораживающем потоке все время меняющихся ритмов. То торжественно-приподнятые, то разговорно-бытовые, то задорно-лукавые, то песенно-распевные, драматически суровые, они в своем интонационном богатстве великолепно передают переливы гибкой, выразительной и меткой речи. Поэтесса не заботилась о гладком благозвучии ритмов, и гибкость интонационного строя ее стиха находится в полной зависимости от эмоций лирической героини.

Цветаева разрушала плавную, гладкую мелодию поэтической речи и создавала стихотворения, которые представляют собой, в большинстве случаев, страстный и потому сбивчивый и нервный монолог. Стих ее прерывист, неровен, изобилует внезапными ускорениями и паузами, резкими перебоями. В этом Цветаева близка Маяковскому.

Поэтесса стремилась добиться максимума выразительности при минимуме слов. С этой целью она предельно сжимает, уплотняет свою речь, жертвует эпитетами, предложениями, строит неполные предложения, ориентируясь на читателя вдумчивого, который «расшифрует» лаконичность фразы и увидит за нею богатый художественный образ. Вот пример. Цветаева пишет:

Глыбами — лбу

Лавры похвал.

Мысль двуступня такова: похвалы, расточаемые поэту, подобны лавровому венку. Но от этого венка челу поэта тяжело, как от каменных глыб. Большая мысль вмещена в две кратчайшие и виртуозно озвученные, афористически звучащие строчки.

Цветаева владела великолепным даром перевоплощения, вживания в образ. Ее принцип: «Хочешь писать дерево — будь им», т. е. перевоплотись в то, о чем пишешь. Отсюда множество ярких характеров и образов в ее поэзии, увиденных не со стороны, а изнутри.

М. Цветаева была решительной, по-своему бескомпромиссной натурой. В одном из стихотворений она писала:

Отказываюсь быть

В бедламе нелюдей.

Отказываюсь жить

С волками площадей.

Отказываюсь быть

С акулами равнин.

Отказываюсь плыть

Вниз — по течению спин.

Эта независимость, стремление жить, сообразуясь прежде всего с собственными взглядами, с собственным мнением, определили и ее отношение к Октябрьской революции. Как и многие интеллигенты, Цветаева не приняла братоубийственной гражданской войны, в которой видела разгул «сатанинских сил». В своих политических стихах этих лет, составивших книгу «Лебединый стан», она прославляет белое движение («Белая гвардия, путь твой высок...»), с горечью пишет о развязанном с обеих сторон терроре:

*И справа, и слева
Кровавые зевы,
И каждая рана:
— Мама!*

*И справа, и слева,
И сзади, и прямо,
И красный, и белый:
— Мама!*

В итоге страшного кровавого иступления гибнут свои же, русские люди, которых примиряет смерть:

*Все рядком лежат —
Не развесть межой.
Поглядеть солдат!
Где свой, где чужой?*

*Белым был — красным стал:
Кровь обагрила
Красным был — белым стал:
Смерть побелила.*

Лебединый стан — это белое движение, Добровольческая армия Деникина и Врангеля. Всего в книге 50 стихов, расположенных в хронологическом порядке, так что получается поэтическая летопись революции и гражданской войны. В нашей стране «Лебединый стан» опубликован только в 1990 году в 1-м томе 3-томного собрания сочинений Цветаевой.

Наряду с прославлением белого движения, в стихах звучит монархическая тема. Обращаясь к Николаю II в стихотворении «Царю — на Пасху», она пишет:

*— Царь! Вы были не правы.
Помянет потомство
Еще не раз*

*Византийское вероломство
Ваших ясных глаз.*

Поэтесса упрекает царя за его отречение от престола. В стихотворении «Это просто, как кровь и пот» она пишет:

*Царь с небес на престол возведен:
Это чисто, как Снег и сон.
Царь опять на престол взойдет —
Это свято, как кровь и пот.*

Она молится за наследника Алексея (стихотворение «За отрока, за Голубя — за Сына») и выражает надежду на спасение России.

Помимо «Лебединого стана» Цветаева пишет поэму «Перекоп» (1928 — 1929) — о защите белой армией Перекопа, а в 30-е гг. работает над произведением «Поэма о Царской Семье» (1929 — 1936). Текст поэмы пока не найден, опубликованы лишь небольшие фрагменты.

Судьба Цветаевой сложилась очень драматично. Вслед за мужем, офицером царской армии и участником белого движения С. Эфроном, она вместе с дочерью Ариадной в мае 1922 г. эмигрировала. Жила сначала в Германии, затем в Чехии, в ноябре 1925 года переехала в Париж. Жизнь была трудная. В самих столицах жить было не по средствам, приходилось селиться в пригородах или ближайших деревнях. Поначалу белая эмиграция приняла Цветаеву как свою, Но вскоре картина существенно изменилась. Ее печатают все меньше и меньше, связи ее с эмиграцией постепенно ослабевают. Она пишет очень много, но написанное годами не попадает в печать или вообще остается в столе.

Цветаева нисколько не погрешила против истины, когда жаловалась в частном письме 1935 года: «Надо мной здесь люто издеваются, играя на моей гордыне, моей нужде и моем бесправии (защиты нет)» (3).

Существенный интерес для понимания отношений Цве-

таевой тех лет к миру и человеку представляют две ее поэмы, написанные в 1924 году: «Поэма Горы» и «Поэма Конца». В основе сюжета этой своеобразной лирико-трагедийной дилогии лежит ее роман с молодым русским эмигрантом Константином Радзевичем осенью и зимой 1923 года в Праге, который закончился разрывом и полным разочарованием поэтессы в избраннике. В поэмах проявился свойственный Цветаевой взгляд на человека, своеобразная романтизация высокого духовного чувства, которое она противопоставляет бездуховному бытовому началу жизни. На контрасте этих двух начал построены поэмы, в которых вновь воплотился присущий Цветаевой максимализм нравственных требований. Гора в поэмах — синоним и символ любви, олицетворение высоты, духовного восхождения к прекрасному. По этому пути идет лирическая героиня, преодолевая крутизну и жизненные ухабы, но никак невозможно разрубить гордиев узел — долг и страсть — и соединиться с любимым. Приходится в конце концов спускаться вниз, к быту, туда, где «сброд, рынок, барак», спускаться с душой, полной «ран сплошных». «Поэма Конца» — дальнейшее подробное изображение умирающей любви. Последнее расставание с любимым — это опускание в склеп живого, сопротивляющегося чувства. В поэме — обилие знаков «тире», здесь паузы говорят больше чем слова — это провалы в пустоту, отражающие всю горечь расставания. Шествие влюбленных по Праге напоминает похороны, ибо расставание — это разрезание по живому («расставаться — ведь это врозь, // Мы же сросшиеся»). Это последнее прощание с тем возвышенным и прекрасным, что было и уже невозвратимо.

Рас-стаемся — Одна из ста?

Просто слово в четыре слога,

За которыми — пустота.

Расставаться — это идти вниз, под гору, вновь к мещанскому окружению, к обыденному существованию, против

которого бессильно протестует душа героини.

К названным поэмам примыкает написанная в Париже «Поэма Лестницы» (1926) — произведение о «пасынках большого города Парижа», к которым Цветаева относилась и себя. Это было время, когда в сознании поэтессы начинает все более нарастать трагическое ощущение мира. Напряженная духовная жизнь — и полная бытовая неустроенность в чужой и, более того, в чуждой ей по духу стране (Париж Цветаева не любила) — такова была жизненная атмосфера, в которой находилась поэтесса. В «Поэме Лестницы» она пишет о сочувствии¹ всем униженным и оскорбленным жизнью, заявляет о своей неприязни к мещанскому пониманию богатства, заключающемуся только в погоне за материальным довольством. В таком контексте образ лестницы имеет в поэме не только реальное значение — изображение черной лестницы нищего дома бедняков, — но и символическое, как мечты о духовном восхождении к счастливой, наполненной высшим смыслом жизни.

Миропонимание Цветаевой выражает финал поэмы: пожар уничтожает бедность и зло. Это символ спасительного огня, который, наконец, должен сжечь несправедливо устроенный мир.

В Париже в эти же годы Цветаева пишет и поэму «Крысолов», в основу которой положена средневековая немецкая легенда о бродячем юноше-музыканте, который с помощью волшебной флейты избавил жителей города от полчищ крыс, утопив их в реке. Поэма явилась прославлением искусства, музыки, красоты и посрамлением, обличением бюргерского, филистерского мира. В конце 20-х годов Цветаева работает также над поэмами «С моря» (1926), «Попытка комнаты» (1926), «Поэма воздуха» (1927), «Перекоп» (1929).

В эмиграции Цветаева обращается и к драматургии. В 1923 году она задумала стихотворную драматическую трилогию «Гнев Афродиты» по мотивам греческой мифологии. Части трилогии должны были называться по именам женщин, которых любил Тезей: Афродита, Федра, Елена. Греческие мифы

были для Цветаевой поводом для раздумий о человеке, его месте в мире, его отношениях с судьбой. В отличие от мифов, в которых исключалась всякая психологизация, в трагедиях Цветаевой делается упор именно на психологических основах конфликтов и характеров.

Во Франции Цветаева обращается также к прозе, прежде всего к воспоминаниям детских и юношеских лет. В своих воспоминаниях она рисует портреты современников, их характеры, общественные идеалы. Особенно большое внимание она уделяет изображению поэтов и писателей — предшественников и современников. Цветаева утверждала, что только поэт, художник может глубже всего понять поэта и составить о нем истинное представление. В прозе Цветаевой тоже проявился всегда присущий ей максимализм нравственных требований и эстетических оценок. Именно такой характер приобрела ее книга «Мой Пушкин», а также лирические воспоминания о Волошине, Блоке, Мандельштаме. При всей лирической субъективности, очерки и воспоминания Цветаевой правдиво передают черты времени, ее эмигрантской жизни, и — шире — духовных исканий литературы русского зарубежья.

С годами Цветаева все тяжелее переживает свою разлуку с Родиной. В ее произведениях начинают звучать мотивы тоски, усталости, безнадежности, возникает желание «Творцу вернуть билет». Поэтесса была твердо убеждена, что подлинный её читатель остался в России. «Мой читатель несомненно в России», — пишет она в письме 1925 года. А вот строки из письма 1933 года. «В 1922 году уезжаю за границу, а мой читатель остается в России, куда мои стихи не доходят. В эмиграции меня сначала (сгоряча!) печатают, потом, опомнившись, изымают из обращения, почуяв не свое...» (4).

Ее стихотворения 20 — 30-х гг. наполнены острой ностальгической тоской по Родине:

Рас-стояние: версты, мили...

Нас рас-ставили, рас-садили,

*Чтобы тихо себя вели,
По двум разным концам земли*

Рас-стояние: версты, дали...

Нас расклеили, распаяли,

В две руки развели, распяв,

И не знали, что это — сплав

Вдохновений и сухожилий...

Не рассорили — рассорили,

Расслоили... Стена да ров

Расселили нас, как орлов —

Заговорщиков: версты, дали...

Не расстроили — растеряли,

По трупобам земных широт

Рассовали нас, как сирот, —

пишет она в марте 1925 г. в стихотворении «Рас-стояние: версты, мили...», посвященное Б. Пастернаку, с которым находилась в постоянной переписке. Из этого же ряда — стихотворение «Русской ржи от меня поклон» (1925, май):

Русской ржи от меня поклон,

Ниве, где баба застится...

Друг! Дожди за моим окном,

Беды и блажи на сердце...

Ты, в погудке дождей и бед —

То ж, что Гомер в гекзаметре.

Дай мне руку — на весь тот свет!

Здесь — мои обе заняты.

Вновь и вновь в своих стихах периода эмиграции возвращается Цветаева к теме утраченной Родины. Вот еще одно стихотворение 1932 года под названием «Родина»:

*О неподатливый язык!
Чего бы попросту — мужик,
Пойми, невал и до меня:
— Россия, родина моя!*

*Но и с калужского холма
Мне открывалась она —
Даль, — тридевятая земля!
Чужбина, родина моя!*

*Даль, прирожденная, как боль,
Настолько Родина и столь —
Рок, что повсюду, через всю
Даль — всю ее с собой несу!*

*Даль, отдалившая мне близь,
Даль, говорящая: «Вернись Домой!»,
Со всех — до горних звезд —
Меня снимающая мест!*

Особенно тяжелым периодом эмигрантской жизни Цветаевой стали годы 1937 — 1939, когда она осталась в Париже с сыном Георгием в полном одиночестве, без помощи и поддержки и почти без средств к существованию: ее муж С. Эфрон, работавший в «Союзе возвращения», подал прошение о советском паспорте и в 1937 году вместе с дочерью Ариадной возвратился на родину. Положение Цветаевой усугублялось еще и тем, что в эмигрантских газетах стали появляться материалы о связях Эфрона с ЧК. Цветаева подает прошение о визе и после мучительных месяцев ожидания 18 мая 1939 года возвращается на родину.

Поэтесса долго мечтала, что вернется в Россию «желанным и жданным гостем». Но так не получилось. Личные обстоятельства ее жизни сложились очень трагично. Осенью 1939 года муж и дочь подверглись необоснованным репрессиям. Муж был расстрелян, а дочь Ариадна (1912 — 1975) ше-

стнадцать лет провела в сталинских лагерях и была освобождена из туруханской ссылки лишь в 1955 году. Все оставшиеся годы своей жизни А. С. Эфрон посвятила собиранию и систематизации архива матери, созданию воспоминаний о ней. Похоронена в Тарусе.

После возвращения на родину Цветаева с сыном жили в Москве и Подмоскowie (Болшево, Голицыно). Поэтесса занимается переводами, стихи ее не печатают. Лишь в январе 1940 г. возникает разговор об издании книги ее стихотворений, которую Цветаева хотела составить из сборников «Ремесло» (Берлин, 1922), «После России» (Париж, 1924). Но сборник так и не вышел: грянула война. Восьмого августа 1941 года Цветаева вместе с сыном и группой* писателей была эвакуирована в Елабугу. Чтобы иметь средства к существованию, она согласна была работать посудомойкой. Измученная одиночеством, материальной неустroенностью, трагическими обстоятельствами жизни, связанными с гибелью мужа и ссылкой дочери, М. И. Цветаева 31 августа 1941 года покончила с собой.

Сын ее Георгий (1925 — 1944) после смерти матери некоторое время жил в Чистополе, затем переехал в Ташкент, окончил там школу и поступил в Московский литературный институт. Отсюда в начале 1944 года был мобилизован на фронт. Погиб в июле того же года под деревней Друйка Витебской области.

Сложной оказалась и судьба творческого наследия Цветаевой. Долгое время вокруг ее имени был заговор молчания. Лишь с 1960-х годов понемногу стали печатать и переиздавать ее произведения. По-настоящему ее творчество, особенно эмигрантского периода, не изучено до сих пор. Это дело будущего. В этом была уверена и сама поэтесса. В 1913 году она писала:

*Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я — поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет.*

*Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти,
— Нечитанным стихам!*

*Разбросанным в пыли по магазинам
(Где их никто не брал и не берет!)
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.*

В письме к близкой подруге О. Колбасиной-Черновой от 17 октября 1924 г. Цветаева писала: «И — главное — я ведь знаю, как меня будут любить (читать — что) через сто лет!» (5). Как хорошо, что это случилось гораздо раньше!

Цветаева — поэт не из легких. Читать ее произведения между делом — нельзя. В Цветаеву необходимо углубляться, ее поэзия требует от читателя встречной работы мысли и сердца. «Чтение — прежде всего сотворчество, — говорила поэтесса, — устал от моей вещи, значит — хорошо читал и — хорошее читал. Усталость читателя — усталость не опустошительная, а творческая. Делает честь читателю и мне» (6).

Марина Цветаева — большой поэт, и вклад ее в русскую и мировую культуру весьма значителен. Хорошо, что лучшему из того, что она создала, «настал черед», и ее поэзия пришла к массовому читателю.